

О РУКОПИСИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ И ЕЕ АВТОРЕ

И. С. Достян

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранится объемистая рукопись в блекло-красном переплете под названием «Возмущение князя Ипсилантия в Молдавии и Валахии в 1821 году»¹. Развернув ее обложку, мы увидим другой заголовок — «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г. и соприкосновенных оным обстоятельств». К этому сочинению приложены и документы, касающиеся восстания этеристов и отношения к нему русского правительства.

Из самого содержания рукописи ясно, что она была составлена вслед за окончанием революционных выступлений в Дунайских княжествах и может считаться первым в России трудом об этих событиях, которые привлекли внимание русской общественности. «Обозрение» обладает очевидными литературными достоинствами: это не сухое, казенное изложение происшедших событий, а четкий, логичный и вместе с тем живой и эмоциональный рассказ, написанный в приподнято-романтическом стиле, выразительным русским языком. Главное же, что привлекает наше внимание, это идейная и нравственно-философская концепции произведения, автор которого предпочел остаться неизвестным.

Недавно Л. Н. Большаков обнаружил в Отделе редкой книги Оренбургской областной государственной библиотеки другой экземпляр «Обозрения» и впервые взглянул на этот документ не как историк, ищущий материал о революционных событиях на Балканах, а как литературовед и писатель. Он прежде всего попытался выяснить, кто же автор этого безымянного труда. В 1971 г. в Челябинске была издана повесть Л. Н. Большакова «Отыскал я книгу славную...», написанная в популярном жанре «поисков и находок». Она имеет подзаголовок: «Повесть о многом, но прежде всего — о первой в мире книге истории Этерии, о ее авторе — человеке замечательном, о трагедии потерь и радости воскрешения». Смысл повести сводится к попытке доказать, что найденная рукопись принадлежит перу вождя и идеолога Южного общества декабристов П. И. Пестеля.

Такое предположение выдвигается автором на основе определенного анализа содержания «Обозрения», текстуальных сопоставлений и т. д. Его мнение признано убедительным, заслуживающим доверия рецензентом книжки Р. Борисовым, заключившим, что в результате работы Большакова «раскрыт новый интересный русский писатель — Пестель»². На версии о том, что именно Пестель написал историю этеристского восстания, остановился и Н. М. Лебедев в биографическом очерке о вожде южных декабристов. Считая ее уже доказанной, он пошел еще дальше, предположив, что рукопись представляет собой список с доклада Пестеля членам тайного общества³. Таким образом, гипотеза о том, что «Обозрение» принадлежит перу Пестеля, что обнаружено новое важное его сочинение, свидетельствующее о попытке поставить балканские дела в связь с деятельностью тайных обществ в России и имеющее значение «труда революционного», получила определенное признание.

Если открытие столь важного источника действительно состоялось и авторство Пестеля, как полагает Большаков, неопровержимо доказано, историки имеют теперь совершенно новый материал для характеристики отношения одного из идеологов декабризма к революционным событиям на Балканах и, что, конечно, еще важнее, — для анализа его общественно-политических взглядов в целом. Все это побуждает более детально разобрать версию об авторстве Пестеля.

¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 737.

² «Новый мир», 1972, № 6, стр. 284.

³ Н. М. Лебедев, Пестель — руководитель и идеолог декабристов. М. 1971, стр. 118.

Оренбургский список «Обозрения» сделан, судя по водяным знакам на бумаге, не ранее 1824 года. По заключению Большакова — оно представляется и нам наиболее вероятным, — книга эта попала в Оренбург уже в середине XIX в. при посредстве начальника штаба Отдельного оренбургского корпуса М. Л. Фантона де Веррайона⁴. Экземпляр же, хранящийся в ЦГВИА, является, несомненно, первоначальным. Это рукописная книга, написанная писарским почерком в лист с оборотом на бумаге форматом 20 × 30 с водяными знаками «Гр. Хлюстиных», 1821 года. На обложке ее в белом овале заглавие, а выше тем же почерком — «Приложение 64».

Само «Обозрение» занимает 91 лист, и за ним следуют «Приложения» — 13 документальных материалов (лл. 92—136), расположенных по номерам в соответствии с отсылками, вставленными в текст рукописи. Среди них письмо А. Ипсиланти Александру I, написанное после начала восстания, и ответ последнего, прокламации и приказы предводителя Этерии, некоторые дипломатические документы, касающиеся русско-турецких отношений, и др. «Обозрение» разбито на главы и подглавы боковыми подзаголовками, четко выделяющими отдельные темы. Вступлением служит глава «Описание Этерии и ее действий», далее рассказывается о выступлении валахов во главе с Т. Владимиреску и самом восстании под руководством Ипсиланти. Говорится также об отношении России к революционным событиям в Дунайских княжествах, военных мероприятиях, связанных с угрозой начала русско-турецкой войны, о перспективах разрешения международного конфликта на Балканах, сложившихся к концу 1821 года. «Заключение» носит философско-нравоучительную направленность. В рукописи, хранящейся в ЦГВИА, имеется редакционная правка преимущественно стилистического и орфографического характера, не меняющая сколько-нибудь значительно смысла. Исправления внесены разными почерками, карандашом и чернилами⁵.

Дело № 737 Военно-ученого архива просматривалось рядом специалистов. Одним из первых обратил на него внимание известный исследователь движения декабристов Б. Е. Сыроечковский, не нашедший, по-видимому, оснований связать этот документ с творчеством Пестеля⁶. Фактический материал «Обозрения» использовался советскими историками для описания хода восстания этеристов в Дунайских княжествах, но без какого-либо анализа его содержания, археографических особенностей рукописи, без попытки определить автора этого произведения⁷.

Л. Н. Большаков впервые задумался над тем, кто же написал, по его словам, «первую в мире книгу истории Этерии», а говоря точнее, первую в России историю революционных событий в Дунайских княжествах в 1821 г., содержащую разбор военно-политических акций этеристов и причин их поражения. Он начал поиски автора, идя при этом не от изучения особенностей и содержания рукописи, а подбирая подходящих кандидатов среди наиболее выдающихся людей 20-х годов XIX в., имевших какое-либо отношение или интерес к балканским делам. Первым из них был, конечно, А. С. Пушкин, находившийся в 1820—1823 гг. в Кишиневе и восторженно принявший известия о начале вооруженного выступления греков. Но от попытки сделать классика русской литературы автором истории восстания этеристов Большакову вскоре пришлось отказаться⁸.

Вслед за этим возникло предположение, что «Обозрение» написано вождем и идеологом южных декабристов П. И. Пестелем. Он тоже имел отношение к событиям в Молдавии и Валахии в 1821 г., трижды командировался начальником штаба 2-й армии в Кишинев и на русско-турецкую границу для сбора сведений о восстании Ипсиланти, составил на эту тему несколько отчетов-записок. Кроме того, сохранился

⁴ Л. Большаков. Отыскал я книгу славную. Челябинск. 1971, стр. 120—121.

⁵ Список рукописи, находящийся в Оренбургской библиотеке, соответствует тексту «Обозрения» до редакционной правки, то есть имеет ряд отличий от экземпляра, хранящегося в ЦГВИА СССР. В нем отсутствуют и приложения. Большаков цитирует текст по оренбургскому списку, но знает о некоторых его отличиях.

⁶ В обширной статье Б. Е. Сыроечковского «Балканская проблема в политических планах декабристов» («Очерки из истории движения декабристов». Сборник статей. М. 1954) об этом документе не упомянуто.

⁷ См., например: И. Ф. Иовва. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев. 1974; Л. Н. Оганян. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в. Ч. 1—2. Кишинев. 1974.

⁸ Л. Большаков. Указ. соч., стр. 45—46.

автограф Пестеля под названием «Царство Греческое», в котором речь идет о составе будущего независимого балканского государства⁹. Мысль об авторстве Пестеля выглядела более правдоподобно, и тут Большаков обнаружил, что в «Обзрении» имеется ряд текстуальных совпадений с записками Пестеля, которые были им представлены весной 1821 г. начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву после поездок в Кишинев и на русско-турецкую границу. Наличие таких совпадений неоспоримо — все они приведены в книжке Большакова в самой наглядной форме¹⁰. Именно это и послужило главным аргументом в пользу версии, что Пестель составил «Обзрение», пользуясь своими же, собранными ранее материалами¹¹.

Однако 150 лет назад представления об авторском праве и плагиате очень отличались от наших. Литераторы, публицисты, историки в 20-е годы XIX в. и позднее включали в свои труды выдержки или пересказ произведений других авторов, неопубликованные материалы, дипломатические документы и т. д., не давая каких-либо отсылок. Это было в порядке вещей и не считалось предосудительным. Составленные умно, логично и четко, записки Пестеля, содержавшие первые достоверные и подробные сведения о событиях в Дунайских княжествах, к которым в России проявлялся живой интерес, вскоре стали известны многим в Тульчине и Кишиневе, их читали в великосветских салонах Петербурга¹². А главное, записки эти хранились в штабе 2-й армии, Главном штабе, в министерстве иностранных дел и могли использоваться теми, кто имел к ним доступ по служебной линии. Поэтому наличие в «Обзрении» выдержек из материалов Пестеля может иметь определенное значение для выяснения источников этого труда, но отнюдь не доказывает, что его автором был вождь Южного общества.

Если «единство источников» не убеждает, что записки Пестеля и «Обзрение» — плод творчества одного лица, то остается возможность сравнить стиль и в том числе лексику анонимной рукописи с материалами личного творчества декабриста. Большаков попытался провести такой анализ и обнаружил, что в «Обзрении» наблюдается тенденция избегать употребления иностранных слов и терминов. Между тем известно, что Пестель был увлечен замыслом замены иностранных терминов исконно русскими словами, даже вновь искусственно созданными. Это отразилось на лексике «Русской правды» и других его произведений. Сохранились и «словники», составленные Пестелем, в которых конкретно программировались такие замены¹³. В «Обзрении», пишет Большаков, фигурирует «дружина», а не «рота» или «эскадрон»; «конница», а не «кавалерия»; «стан», а не «лагерь»; «знамя», а не «штандрт»; «войско», а не «армия»; «сеча», «водитель», «властитель», «соотчич», «натиск»¹⁴. Такое словопотребление в некоторых случаях действительно совпадает с пестелевским. Но необходимо иметь в виду, что перечисленные термины вообще бытовали в русском литературном языке 20-х годов XIX в. и употребление их не свидетельствует о какой-то специфике стиля, оно несет иногда и определенную смысловую нагрузку¹⁵. Конечно, если бы в рукописи имелись слова, искусственно созданные Пестелем, это стало бы веским доводом в пользу его авторства. Но таковых обнаружить не удается.

«Обзрение» написано, по словам Большакова, «просто, понятно, по-русски образно», «без оглядки на традицию официальных донесений, без витиеватостей, без слов заимствованных»¹⁶. Но в «Русской правде» Пестеля, его служебных записках, трактатах по политическим и военным вопросам язык точен, скуп, образность почти отсутствует, да она и неуместна в произведениях такого рода. «Обзрение», так сказать, по самому жанру не имеет аналогий в творчестве Пестеля, что делает какие-ли-

⁹ См. об этом подробнее: Б. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 188—232.

¹⁰ Л. Большаков. Указ. соч., стр. 88—94.

¹¹ Там же, стр. 95—109.

¹² Именно распространение записок Пестеля побудило вскоре начальника Главного штаба П. М. Волконского издать специальное распоряжение о лучшем хранении секретных документов (см. Л. Н. Оганян. Указ. соч. Ч. 2, стр. 44).

¹³ «Восстание декабристов». Документы, Т. VII. М. 1958, стр. 264—267, 407—409.

¹⁴ Л. Большаков. Указ. соч., стр. 111, 112.

¹⁵ Так, при описании плохо организованных повстанческих отрядов этеристов и их действий было уместнее применять такие термины, как «войско», «дружина», «стан», а не «армия», «рота», «лагерь».

¹⁶ Л. Большаков. Указ. соч., стр. 112, 113.

бо сопоставления затруднительными. Поэтому, когда Большаков восклицает: «И, колеблясь, говоришь себе: писал человек образованный, политик, военный, дипломат, литератор, и при всем том — русский. Глубоко русский. Таким был Пестель. Его стиль. Его словарь», — есть резон возразить автору. Ведь не только Пестель обладал всеми этими качествами, были и другие образованные русские люди, которые писали ярко, образно, по-русски.

«Тождество источников», языковые особенности данной рукописи не убеждают в причастности П. И. Пестеля к ее составлению, но и не позволяют опровергнуть такое предположение (именно предположение, а не гипотезу, ибо для гипотезы косвенные доказательства, выдвинутые Большаковым, явно недостаточны). Но есть еще один аргумент, пока нами не рассмотренный, — идейная направленность «Обозрения». Дает ли она основание утверждать, что это произведение принадлежит перу вождя южных декабристов и имеет значение «труда революционного»? Мы не будем излагать подробно всего содержания сочинения — это уже сделал в своей книжке Большаков, — а остановимся на материале, ценном для характеристики общественно-политических взглядов автора, его отношения к освободительному движению балканских народов.

«После трехвекового угнетения турецким правлением воспылал дух свободы между потомками древней Эллады. Ежечасные притеснения оттоманов соделались, наконец, нестерпимыми поработенному народу, и желание лучшего бытия внушило ему отважность к подъятию оружия противу высокомерных и кровожадных властителей» — таковы первые строки «Обозрения» (л. 1). Написавший их, конечно, возмущен турецким правлением, поддерживает борющихся за свою свободу греков, притом видит в них не только национально угнетенный народ, но и наследников великой европейской цивилизации, как бы имеющих историческое право на возрождение своей государственности. Такое отношение к грекам и их освободительному движению, по существу, не выделяет автора «Обозрения» из достаточно широкого круга образованных русских деятелей различных общественно-политических направлений, проявлявших интерес к балканским проблемам.

Далее в рукописи говорится о причинах, способствовавших развитию греческого освободительного движения в конце XVIII — начале XIX в.: о влиянии Французской буржуазной революции и наполеоновских войн, пропаганды, которую вел среди греков Бонапарт, о надежде на помощь России, значении русско-турецких войн и планов «покойной императрицы Екатерины... воздвигнуть в Царьграде престол христианский» (л. 4). По этому поводу Большаков замечает: «Неизвестный историк — современник событий — выступает предшественником и союзником ученых наших дней»¹⁷. Но, добавим, под строками «Обозрения», которые повествуют о воздействии на греков Французской революции, русско-турецких войн и т. д., мог подписаться не один российский дипломат и просвещенный общественный деятель еще в самом начале прошлого столетия. Ведь в период наполеоновских войн (до Тильзитского мира) правительство Александра I поддерживало тесные политические контакты с греками, являлось протектором Ионической республики — первого самостоятельного греческого государства нового времени. Поэтому в Петербурге были хорошо известны все обстоятельства, связанные с освободительной борьбой греков. В то же время можно обратить внимание на то, что в рукописи в отличие от многих «мемуаров», публицистических сочинений и даже официальных правительственных документов почти обойден религиозно-мессианский аспект греческой и вообще балканской проблемы. Мы не найдем здесь традиционных ссылок на противоборство ислама и христианства, на угнетение православных мусульманами и священную обязанность России помогать своим единоверцам. Зато узнаем о «тираническом» правлении турок, о «служителях тирана», «кровожадных и высокомерных властителях», истребляющих «ненасытно» «и честь и богатства и жизнь подвластного народа» (молдаван и валахов). Турецкое правление тем самым предстает как социальное угнетение, а борьба против него — как следствие желания народами «лучшего бытия».

Изложив причины развившегося у греков «стремления к освобождению себя от тягостного ига» и создания первого тайного общества Риги (Ригаса Велестинлиса), автор переходит к основной теме — обозрению происшествий 1821 г. в Молдавии и Валахии.

¹⁷ Там же. стр. 17.

Обстоятельный рассказ об этих событиях, вероятно, основанный на документальных материалах и сведениях, полученных от очевидцев, написан ярко и образно, проникнут живой заинтересованностью в успехе «предприятия Ипсиланти» и скорбью по поводу его бесславного конца. Притом повествование подчинено ясно поставленной цели — определению причин и виновников поражения этеристского восстания. Дается критический анализ всех политических и военных акций Ипсиланти и других предводителей восставших. Более того, их действиям противопоставляется подчас свой собственный план, который бы позволил избежать неудачи. Так, автор «Обозрения» уверен, что именно вождь Этерии должен был лично руководить операциями в предполагаемом центре общевалахского восстания — Константинополе. Если уж решили начать действия в Дунайских княжествах, надлежало, не теряя времени, не дожидаясь, пока турки успеют стянуть свои силы, развить активные военные операции, а затем перейти Дунай, привлечь на свою сторону сербов и, увеличив таким путем свои силы, идти в Грецию¹⁸. Ипсиланти же, очень неудачно выбрав свой «стан» (ибо Терговисте не имеет никакой «природной защиты»), провел почти два месяца в бездействии, даже не занимаясь подготовкой к военным действиям, обучением войск. Давая очень подробное описание битвы у Скулян, автор недоумевает, как командовавший отрядами этеристов Г. Кантакузин не догадался правильно расположить свои силы, чтобы не дать возможности туркам прижать их к Пруту. Напрашивается предположение, что составитель «Обозрения» имел немалые познания в военной теории и революционные события в Молдавии и Валахии дали ему материал для размышлений именно по этому предмету.

Красной нитью через все повествование проходит обличение А. Ипсиланти, Г. Кантакузина и других вождей Этерии как не проявивших полководческого таланта и допустивших непростительные политические, стратегические и тактические ошибки. Но больше всего внимания обращено на морально-этическую сторону их поведения. Предводители восстания, пишет автор рукописи, не обладали мужеством, «стойкостью духа», не способны были на самопожертвование. Из трусости, ради собственного спасения они обрекли на гибель многих своих сподвижников, молодых греческих патриотов. «Но никакое оправдание не способно убедить целый свет в том, чтобы поведение Ипсиланти соответствовало доверию народа, избравшего его главою своего ополчения», — с горечью и негодованием восклицает автор (л. 71). Не щадит он и Т. Владимиреску, изменившего делу этеристов; молдавских и валахских бояр, которые ради «частных интересов» пренебрегли «пользой целого» — борьбой против общего врага, турецких поработителей. Выразительность повествования, по существу, строится на противопоставлении Ипсиланти и ему подобных истинным героям, тем, кто предпочел пожертвовать жизнью, а не бросить своих сподвижников, не сдать врагу. Это юноши «Священной дружины», почти все оставшиеся на поле сражения, предводители отрядов — Афанасий, Фармаки, Ставраки, Инзе и другие.

Главным героем «Обозрения» и антиподом Ипсиланти выступает капитан Иордаки Олимпиоти (Георгиос Олимпиос), изображенный самоотверженным патриотом, талантливым и опытным военным предводителем. Рассказав о том, как Иордаки с остатками повстанцев ушел в горы, а затем, после неравного боя в монастыре Секу, заперся в келье, сам поджег ее и погиб в пламени, автор заключает: «Из всех людей, появившихся в течение года греческого возмущения в Молдавии и Валахии, конечно, Иордакий занимает первое и достопочтеннейшее место. При неутомимой деятельности, оказанной им как в начале мятежа, так и во время усыпления Ипсилантия в Терговисте, и, наконец, в многотрудном и редком походе чрез горы, он заключал в себе сильную душу, бесчувственную к опасностям и равно твердую как в успехе, так и в бедствии. Сверх сих драгоценных качеств достойного человека, он был предан своему отечеству, ибо страстно любил его в составе Этерии и почитал недостойным и низким делом пережить неудачу в столь важном предприятии. Более людей, подобных Иордакию, и, может быть, свобода Греции была бы восстановлена: но, не завлекаясь отдаленными предположениями, нельзя, однако, не заключить утвердительно, что если бы с теми же способами, он занимал место Ипсилантия, конечно, турки встретили бы упорнейшую

¹⁸ Примечательно, что Пестель весной 1821 г. высказал аналогичное предположение о дальнейших действиях восставших (записка П. И. Пестеля от 14 апреля 1821 г. — «Documente privind Istoria României. Răscoala din 1821». Vol. II. Bucureşti. 1959, f. 128—129).

защиту и дело Этерии не кончилось бы несколькими маловажными ошибками. Поход Иордакия по горам не только служил доказательством военных его способностей, но сверх того есть редкое явление, выходящее из ряда обыкновенных военных действий и заслуживающее подробного и внимательного наблюдения. Воздадим полную хвалу славному воину, могущему служить примером не только для своих неопытных соотечественников, но и вообще для всех военных людей» (лл. 78—79).

Как эта характеристика непохожа на то, что написал несколько лет спустя о капитане Иордаки Олимпиоти неизвестный И. П. Липранди, захотевший опровергнуть миф об этом «новом Леониде» и представить его просто жестоким разбойником, лишенным всяких патриотических чувств¹⁹. Но если даже Иордаки не был таким, каким изобразил его Липранди, не слишком ли далеко зашел анонимный сочинитель истории греческого восстания, прославляя личные достоинства и военные таланты мятежного капитана, призывая всех военных людей учиться у него способам партизанской войны? Нельзя забывать, что осуждение правительством Александра I восстания этеристов как незаконного мятежа подданных против своего суверена не повело к тому, что борьба греков за национальное освобождение перестала рассматриваться русским просвещенным обществом как правое дело. Представленная в «Обзрении» концепция восстания этеристов и характеристика его действующих лиц не исключительное явление, а скорее наиболее распространенное для России начала 20-х годов XIX века. Возникновению этой концепции, конечно, способствовали находившиеся в России, а особенно в ее южных областях, греки, как причастные к делам Этерии, так и не связанные с ней, но патриотически настроенные. Им надо было или оправдаться, или дать объяснение быстрого поражения этеристского войска, найти нового героя вместо не оправдавшего надежд Ипси-ланты.

Капитан Иордаки Олимпиоти стал излюбленным героем не только разочарованных и подавленных минувшими событиями греческих патриотов. Сходным образом он представлен в западноевропейской и русской публицистике. Даже официальная русская пресса, основывавшаяся преимущественно на сообщениях иностранной печати, как бы канонизировала образ вождя-партизана, конечно, в рамках, приемлемых для дворянской читательской среды²⁰. Известно, что не «дремлющий» Ипси-ланты, а отважный капитан Иордаки должен был стать героем так и не написанной поэмы об этеристах А. С. Пушкина, в набросках, планах и дневниковых записях которого, относящихся к концу 1821 и 1822 гг., вожди восстания предстают в аналогичном облике.

В идейном содержании рукописи не обнаруживается каких-либо черт, присущих мировоззрению Пестеля, чего-то исключительного, ставящего ее в ряд «трудов революционных». Характерные черты философской и нравственной позиции автора проступают уже на первых страницах повествования. Он обличает революционные методы борьбы этеристов, доказывая необходимость развития просвещения и нравственности, длительной подготовки к началу вооруженной борьбы. Именно в таком аспекте рассматривается деятельность Риги, организовавшего «первую» Этерию, в задачу которой входило освобождение Эллады от иноземного владычества. Этот греческий революционер представлен человеком с «обширными познаниями», «ревностным и способнейшим». Подчеркивается не революционность, а просветительская деятельность Риги, который, как сказано в рукописи, «поставил правилом сперва разлить между греками просвещение, а потом уже вручить им оружие» (л. 3). Но такой девиз не восприняли руководители тайного общества «Филики Этерии»: «...И хотя имя сего мужа, драгоценное для каждого грека, везде гласимо было новыми основателями общества, но добродетели его не перешли им в наследство. Хищничество, обманы и убийства были орудия, коими они вознамерились действовать и от коих в самом начале надлежало ожидать гибельных следствий» (л. 7). Конкретно же этеристы обвиняются в бесконтрольном расходовании собранных народных средств, в

¹⁹ И. П. Липранди. Капитан Иордаки Олимпиот. «Dokumente privind Istoria Românică. Răscoala din 1821». Vol. V. București. 1962, f. 367—380.

²⁰ Н. В. Измайлов. Поэма Пушкина о гетеристах. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». Кн. 3. М.-Л. 1937, стр. 342—346.

ложном объявлении, будто царь одобряет их замыслы и поддержит восстание, в бессмысленном истреблении турецкого населения в Галаце и т. д.

Нетрудно увидеть, что эти заключения и оценки основаны на принципах просветительской философии, которая в первой четверти XIX в. представляла прогрессивную линию в русской философской мысли и противостояла официальному реакционному ее направлению. При всех различиях между отдельными течениями просветительства в России того времени для всех них характерно было стремление обосновать мирный, реформаторский путь развития. Само просвещение понималось обычно в очень широком смысле — как продвижение к более высокому уровню общественно-экономического и культурного развития, как путь к народной свободе. Учение деистическо-материалистической школы русского Просвещения о человеке и обществе исходило из теории «естественного права» и «общественного договора». «Общее благо» и «общественная польза» противопоставлялись «частным выгодам». Провозглашались стремление человечества к «лучшему бытию», принцип природного равенства и свободы людей. Это означало, по существу, отказ от феодального сословного строя и переход к новым, буржуазным принципам общественного устройства. Декабристы также исходили из философских основ просветительской философии, но они пришли к революционным практическим выводам, которых само Просвещение не делало²¹.

Некоторые характерные черты философских воззрений русских просветителей первой четверти XIX в. можно обнаружить в рукописной книге об истории этеристского движения, и особенно в ее последней, заключительной главе. Из нее мы узнаем, что автор — деист, видящий в событиях «явную борьбу сил природы с силами нравственными, самовластно управляющими человеческим родом» (л. 87); что он признает закономерность исторического развития, постушательный его ход, который нельзя нарушить или ускорить волей «одного или нескольких лиц, как бы, впрочем, велики способности их ни были» (л. 88); что только «долговременное направление умов по одному начертанию» способно ускорить ход исторического развития (л. 88). Очень ярко выражены в рукописи и нравственно-этические принципы просветительской философии: патриотизм, самопожертвование ради общего блага, ради интересов всего народа, честность, храбрость, бескорыстие. Но самое главное, в «Заключении» делается попытка использовать балканские события 1821 г. как материал для самых широких историософских выводов. Сочинитель надеется, обзрев «происшествия 1821 г.», которые «займут место в летописях мира», извлечь «драгоценное поучение для народов, верные руководства для людей». «В сем смысле, — говорится далее, — и политика и нравоучение с равною важностью будут разбирать оные для общего блага и поверять те правила, кои вводятся ими из наблюдения сего устарелого летами человечества, но столь еще юного в зрелой опытности. Сии замечательные происшествия способны в развитии своем наполнить обширные произведения ума человеческого» (л. 86).

Все это написал неизвестный нам русский деятель за несколько лет до начала восстания на Сенатской площади. Он внимательно изучил опыт революционного выступления греков в соседних Дунайских княжествах и нашел в нем много поучительного для народов, борющихся за свою свободу, для всего человечества, а следовательно, и для русских. Автор обращает внимание на поведение и судьбу населения Дунайских княжеств, которое не поддержало выступления этеристов, не присоединилось к борьбе против общего врага, а затем жестоко поплатилось за свою «покорность и миролюбие». Следует отметить, что ранее в «Обозрении» достаточно ясно говорилось о причинах такого поведения молдаван и валахов. Но в «Заключении» эти обстоятельства становятся несущественными, ибо надо доказать неизбежность «понятия о частных пожертвованиях для пользы целого», для «общего блага» (в данном случае имеется в виду освобождение от турецкой власти). На всем этом и основывается вывод, что «дух бодрости, отваживающий на гибель, равно необходим как для блага одного лица, так и для целого племени» (л. 86). Симпа-

²¹ См. З. А. Каменский. Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа). М. 1971, стр. 4—5, 72—132.

тии сочинителя на стороне народов воинственных и деятельных, на стороне людей, которые готовы пожертвовать жизнью «в священном случае обороны отечества». Именно так поступили греки Мореи, «где самое сильнейшее чувство собственной обороны внушило решимость лучше восстать с надеждою освободиться, нежели оставаться беззащитным с уверенностью неизбежной и незаслуженной смерти» (л. 89). Молдаване и валахи, «сложив с себя тяжкое бремя оружия, ужасавшее их смертью», подверглись «всем неизъяснимым бедствиям войны и мятежей» (л. 87). Из этого делается заключение самое расширительное: «Таково положение всякого народа, не имеющего достаточной бодрости для своего вооружения и возлагающего бытие свое на посредничество других держав» (л. 88). Это звучит уже как назидание не только балканским народам, борющимся против власти Турции, но и «всякому народу», защищающему свою свободу, свое существование.

Второе «поучение» выводится из анализа самого восстания этеристов. При этом общие задачи движения, сам факт вооруженного выступления представляется автору «Обозрения» естественными и закономерными. Критике подвергается другое — методы борьбы, военно-политические акции и моральные принципы вождей Этерии. Лейтмотивом выступает тезис о «незрелости предприятия этеристов» в общественно-политическом и военном отношениях. Его попытались осуществить очень ограниченное число людей, не имевших ясной политической программы: «Подвизаясь за свободу отечества, они сами не имели малейшего понятия о тех первых основаниях, на коих она утверждается». У этеристов не было и «понятия о войне, ниже решимости для ведения оной». Они выступили, возбужденные «примером некоторых европейских народов», а в благо Греции искали «не только личной славы, но даже постыдного своекорыстия». Они завлекли в свое предприятие «нескольких достойных мужей, слишком легко поддавшихся сладкой надежде умереть за освобождение отечества», а все свои чаянья возлагали на наемников, «по самому существу своему малонадежных», на «коварного» Владимиреску, на великие державы, а не на собственные силы (лл. 89—90).

Этеристы оказались бессильными, беспомощными, ибо за ними не стоял народ, они не опирались на народные силы. Это важнейшее «поучение» ясно сформулировано в следующих заключительных строках рукописи, звучащих как главное напутствие человечеству, «столь еще юному в зрелой опытности»: «Хотя бесспорно, что князь Ипсилантий, управлявший всем ходом возмущения, не оказал соответственных тому способностей и тем обрек своих соотечичей на преждевременную гибель: но сие явление не есть ли равномерно сильнейшее доказательство незрелости предприятия? Когда целый народ чувствует силу свою и решительно желает лучшего бытия — характеры являются на поприще и достойный сменяет достойнейшего, тогда нет неудачи, ибо способы рождаются на каждом шаге, правота дела, сила общего желания, пылкие порывы — все низвергают. Но в составе одного общества, каково Этерия, ограниченное число людей и средств скоро истощается, а после нескольких неудач каждый из сочленов следует уже частному своему внушению: один помышляет о личном своем спасении; другой предается влечению случая; решительнейший ищет конца блистательного. О сих последних страдает друг человечества: он видит в них безвременную жертву, достойную лучшей участи. Иордакий и ему подобные мужи, украсившие свою смертью характер народа греческого, облагородствовали несколько дело Этерии: без них же бытописание обрекло бы на вечное презрение имя этеристов, подобно как ныне заслужили сего те из них, кои, ввергнув соотечичей в гибельное положение, сами вышли из оного целыми и даже обогащенными» (л. 90—91).

В начале заключительной главы неизвестный «друг человечества» пытается очень расширительно трактовать опыт балканских событий. Суммируем же его точку зрения: 1) каждый народ должен защищать свои права, свою свободу, бороться с оружием в руках против тирании; таков путь к самосохранению каждого народа; 2) эта борьба может быть успешной и необходимой только тогда, когда народ достиг определенного уровня развития и просвещения, когда он осознал неизбежность вооруженного выступления и готов идти ради этого на личные жертвы; 3) успех «мятежей» обеспечивают предводители народных движений; они должны исходить из степени развития и просвещения своего народа, из его потребностей, иметь ясную

программу и цели, быть талантливыми и опытными политическими и военными руководителями, наконец, обладать высокими моральными качествами.

Если таким образом истолковать мысли автора «Обозрения», придется признать, что он был поборником революционных акций народов, то есть выходил за рамки идеологии Просвещения и приближался к дворянским революционерам. Но тогда становится очевидной и тенденция опровергнуть принципы организации, методы борьбы и планы декабристов, а конкретно — Южного общества, созданного в 1821 году. Ведь в рукописи доказывается, что такое общество, как «Филики Этерия» — с ограниченным числом членов, замкнутое, действующее тайно, — не может рассчитывать на успех; что народ должен участвовать в движении как сознательная сила, а тем самым всякие планы «военной революции» обречены на провал. Все это мало похоже на представления Пестеля — поборника революционного переворота в России в ближайшее время и осуществления его путем «военной революции», без участия народных масс как активной, сознательно действующей силы. Более того, напрашивается мысль, что неизвестный сочинитель — человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения, способный литератор, а кроме того, историк и военный теоретик — ведет с кем-то скрытый спор. Он использует для этого события, только что совершившиеся за турецкой границей, возникшие в момент, когда в самой России дворянские революционеры решали важнейшие идеологические вопросы, обдумывали методы ниспровержения самодержавного режима.

Нет, конечно, не вождь Южного общества написал историю восстания этеристов, однако можно предположить, что Л. Н. Большаков не ошибся, причислив это интересное произведение к кругу декабристской литературы. Обнаружить действительного автора рукописи, в которой, как мы предполагаем, ведется полемика по важнейшим идеологическим вопросам, волновавшим русских прогрессивных деятелей, — цель заманчивая. Но, может быть, в этих поисках следует идти иным путем — не подбирать новых возможных кандидатов в авторы, а проделать более трудоемкую работу: определить назначение и место составления рукописи, точное время написания ее, а также списка, оказавшегося в Оренбурге.

По своей идейной направленности, по литературным достоинствам «Обозрение», казалось бы, мало походит на официальный служебный документ, составленный для сведения начальства. Но есть и основание считать его таковым — ведь рукопись хранится в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА, а приложениями к ней служат дипломатические и другие материалы. Тогда поиски надо начать в штабе 2-й армии, стоявшей в непосредственной близости к месту описываемых событий. К тому имеются и другие причины.

В штабе 2-й армии после назначения его начальником П. Д. Киселева, человека образованного, либерально настроенного и жаждущего полезной деятельности, велись большие работы военно-теоретического и учебного характера: составлялись карты, топографические и военно-статистические описания южных областей России и европейской Турции, было предпринято изучение истории русско-турецких войн²². После начала в феврале 1821 г. восстаний в Дунайских княжествах именно в штаб 2-й армии, стоявшей на границе с Турцией, стекалась вся информация о событиях в турецких владениях. Там она обрабатывалась (кстати, этой работой в течение нескольких месяцев занимался Пестель) и направлялась в министерство иностранных дел и Главный штаб, лично царю²³. Поэтому было бы естественным, что после подавления восстания этеристов и Т. Владимиреску начальник штаба решил использовать накопившиеся материалы об этих событиях и составить их «историческое описание».

О том, что такая работа в штабе 2-й армии велась, есть и документальные доказательства. Первое из них — письмо Киселева исполнявшему обязанности полномочного наместника Бессарабской области И. Н. Инзову от 18(30) января 1822 го-

²² А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб. 1882, стр. 60—235; Н. П. Глиноецкий. История русского Генерального штаба. Т. I. СПб. 1883, стр. 359—394; Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М. 1962, стр. 79—80.

²³ См. об этом подробнее: И. С. Достян. Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля. «Исторические записки», кн. 96.

да: «Из всех получаемых в Главном штабе сведений о происшедших происшествиях в Молдавии и Валахии составлена краткая записка, но как сведения сии, сообщаемые в то время, когда события совершались, не могли быть поверены в своей истине, то ныне оказывается множество предметов, требующих более обстоятельного пояснения. Вознамерившись собрать все известия, относящиеся до греческого возмущения, и составить справедливое оною описание, я вынужденным себя нахожу просить по сему предмету вспомоществования вашего превосходительства. Оное должно состоять в сообщении мне ответа на все вопросы, представленные в записке, которую имею честь препроводить вашему превосходительству. Ответы сии можно записывать из слов очевидцев, коих великое число находится ныне в Кишиневе; если вы изволите кому-либо поручить собрать по сему нужные сведения, то желаемая цель будет с успехом достигнута...»²⁴.

К письму приложена упомянутая записка с вопросами, и из ее содержания можно понять, что в штабе 2-й армии хотели составить отнюдь не поверхностное описание недавних происшествий в княжествах, а историческое сочинение с изложением развития греческого национально-освободительного движения и причин, повлиявших на этот процесс, возникновения Этерии и подготовки к восстанию. Предполагалось дать анализ стратегии и тактики руководителей восстания, причин его поражения и т. д. Вопросы в записке разбиты подзаголовками, которые в некоторых случаях очень близки к боковым заголовкам «Обозрения». В последнем можно найти ответы на почти весь запрошенный материал. Для примера приведем первый вопрос: «*О составе и действиях этеристов.* Когда началось первое тайное общество между греками, руководимое Ригюю, когда оно кончилось и какая связь существовала между оным и вновь учрежденною Этериею? Эпоха начатия сей последней, общее число ее членов и число тех, кои действовали в Молдавии и Валахии, место главного правления и имена правителей? Размещение Эфорий и денежные суммы, ими собранные? Какое влияние имел на ход дел Этерии некто Занте, купец измаильский, и какое на сие имел право? Содействовал ли Наполеон или французское революционное правление основанию и успехам тайного Греческого Союза? Кроме сего все известия по предмету сего Союза Этерии драгоценны будут для писателя событий»²⁵.

Первая глава «Обозрения» — «Описание Этерии и ее действий» — охватывает все названные здесь вопросы, дает на них исчерпывающий ответ²⁶. То же самое можно сказать и о большинстве последующих вопросов, поставленных в записке. В разделе, озаглавленном «О делах Валахии», содержится просьба дать «сведения о личном характере сих двух возмутителей» — Ипсиланти и Владимиреку, а также их сподвижников — руководителей отрядов. «Вообще все действия в Валахии трех особых отрядов как наиважнейших — Ипсилантия, Савы и Федора (Владимиреку. — И. Д.) требуют обстоятельного описания и сожалительно будет, если известия о них погибнут для истории», — продолжает автор записки, подчеркивая важное историческое значение недавних революционных событий в Дунайских княжествах и как бы обнаруживая намерение сохранить память о них для истории²⁷.

Пока не удастся установить, что предпринял Инзов в связи с просьбой Киселева, поручил ли кому-либо ответить на поставленные вопросы. Но весной 1822 г. работа над историей этеристского восстания в штабе армии продолжалась. В конце марта, пересылая в Главный штаб записку одного из сподвижников Ипсиланти, Г. Кантакузина, бежавшего в Бессарабию, Киселев просил вернуть рукопись. «Мне хочется, — заметил он, — составить историческое описание возмущения греков в Молдавии и Валахии и изложить в оном настоящий смысл благотворительного участия, которое в сем деле принято было нашим правительством»²⁸. Как видим, Киселев подчеркивал необходимость и политическое значение такого описания, может быть, же-

²⁴ ЦГВИА СССР, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 6, д. 18, ч. II, л. 352.

²⁵ Там же, л. 353.

²⁶ Там же, ф. ВУА, д. 737, лл. 1—12. Выдержки из этой главы «Обозрения» см. Л. Б о л ь ш а к о в. Указ. соч., стр. 12—31.

²⁷ ЦГВИА СССР, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 6, д. 18, ч. II, л. 354.

²⁸ П. Д. Киселев—П. М. Волконскому 29 марта (10 апреля) 1822 г. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 950, л. 33.

лая мотивировать и оправдать намерение заняться работой, казалось бы, не входящей в сферу деятельности армейского штаба.

О том, что это «историческое описание возмущения греков в Молдавии и Валахии» было завершено, свидетельствует «Отчет об управлении Второй армией с 15 мая 1819 г. по 1 января 1824 г.». Там, в разделе «Внешняя безопасность», вслед за перечислением «распоряжений», предпринятых после начала восстаний в Дунайских княжествах, говорится: «Наконец, в половине 1822 г. спокойствие в княжествах было восстановлено. Этеристы не могли больше возмущать покоя жителей (1), турецкие войска совершенно удалились, и последовало избрание новых господарей». В этом месте карандашом на полях приписано: «(Прил. Описание греческого возмущения)» — и дана сноска (1) внизу: «Прил. (кн. в красном переплете). В этом описании возмущения этеристов помещено все то, что говорилось об этом возмущении выше. Притом теперешний рассказ новый и потому, кажется, прежнее следует вычеркнуть...»²⁹. Хотя название приложенной к «Отчету» книги в красном переплете не дословно соответствует заголовку интересующей нас рукописи, нет сомнения, что речь шла об одном и том же, ибо, как уже указывалось выше, на обложке дела № 737 значится: «Приложение 64»³⁰.

Приведенные документы позволяют установить, что «Обозрение» составлено в штабе 2-й армии. Работа над ним началась в конце 1821 или в самом начале 1822 г. и еще велась в марте того же года. В этом труде изложение заканчивается самыми последними днями 1821 г., после чего дается как бы прогноз на будущее. Упомянув о переговорах австрийского и английского послов в Стамбуле с султанским правительством, автор заключает: «По смыслу оных ожидать можно скорого разрешения сего политического раздора и, кажется, восстановления прежнего мира» (л. 85). Много времени спустя после описанных событий такая концовка стала бы неуместной. Поэтому скорее всего рукопись была завершена не позднее середины 1822 г. и с тех пор до 1824 г. находилась в Тульчине, в штабе 2-й армии.

В начале 1824 г. Киселев решил надолго уехать за границу, имея при этом намерение оставить должность начальника штаба 2-й армии³¹. Поэтому он захотел отчитаться о своей деятельности за прошедшие 5 лет, сдать в Главный штаб все законченные труды. Вероятно, именно перед отъездом Киселева из Тульчина — в январе 1824 г. — приложенная к «Отчету об управлении Второй армией с 15 мая 1819 г. по 1 января 1824 г.» история этеристского восстания поспешно выправлялась и редактировалась. Тогда же в связи с отправкой рукописи в Главный штаб могли с нее сделать список, чтобы оставить его в штабе армии. Но среди штабных бумаг такого списка нет, зато он обнаружен полтора столетия спустя в Оренбурге. В этом, как с основанием предположил Л. Н. Большаков, скорее всего повинен М. Л. Фантон де Веррайон³².

Итак, есть веские основания считать, что «Обозрение» вышло из стен штаба 2-й армии и примыкает к предпринимаемым там научно-теоретическим работам. Это позволяет значительно сузить круг возможных авторов первой истории восстаний 1821 г. в Дунайских княжествах. Если исключить маловероятный случай, что

²⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 17184, лл. 106, 107а.

³⁰ В «Отчете об управлении Второй армией...» приложения не пронумерованы.

³¹ См. об этом подробнее: А. П. Заблоцкий-Десятовский. Указ. соч. Т. I, стр. 188—205.

³² В конце 1821 г. этот 17-летний прапорщик, окончивший московскую школу колонновожатых, прибыл в штаб 2-й армии. Он участвовал в войне с Турцией 1828—1829 гг., затем находился с русскими войсками в Дунайских княжествах, управлял делами штаба в Бухаресте, выполнял различные важные поручения П. Д. Киселева, а в 1833 г. уже в чине подполковника был переведен в Генеральный штаб и стал начальником отделения, ведавшего военно-историческими, топографическими и статистическими работами. (Послужной список Фантона де Веррайона см.: ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 171, д. 36). Фантон был человеком образованным, прогрессивно мыслящим, проявлявшим смолоду интерес к литературе и искусству. Вероятно, этими качествами он привлек внимание Пушкина, познакомившегося с ним в Кишиневе (Л. А. Черейский. Забытые знакомые Пушкина. «Прометей». Кн. 10. М. 1974, стр. 402—405). Фантон занимался топографическими съемками в Бессарабии, а позднее в Болгарии, статистическим описанием Молдавии и Валахии. Последняя работа была им завершена уже после отъезда из Бухареста в Петербург в конце 1833 года. Скорее всего, именно тогда Фантон взял с собой некоторые материалы штаба 2-й армии, нужные для этой работы.

Инзов в ответ на просьбу Киселева прислал готовый очерк минувших событий³³, сочинителя этого произведения, пожелавшего остаться неизвестным, надо искать среди офицеров штаба 2-й армии, занимавшихся научно-теоретическими и военно-историческими исследованиями. Выбор остается достаточно широким. В штабе 2-й армии к концу 1823 г. находилось около 50 офицеров квартирмейстерской части. Кроме того, имелись адъютанты и другие чины. Среди всех их впоследствии было обнаружено более 20 человек, в той или иной мере причастных к декабристскому движению или заподозренных в этом³⁴.

Такой путь поисков снова подведет нас к Пестелю как одному из возможных авторов истории этеристского восстания. Ведь известно, что в штабе 2-й армии он вел большую военно-теоретическую работу, написал ряд записок по военным вопросам (в том числе «Записку о штабах», «Краткое рассуждение о составе войск», «Записку о маневрах», «Замечания о лагерной службе» и др.³⁵), в какой-то мере участвовал в подборе литературы для истории русско-турецких войн и, наконец, весной 1821 г. собирал материалы о революционных происшествиях в Дунайских княжествах. Но мы уже знаем, что идейное содержание «Обозрения», да и его литературная форма свидетельствуют против версии об авторстве Пестеля.

Тогда кто же из штабных офицеров, занимавшихся научными и военно-историческими изысканиями, мог написать подобный труд? Не оставил ли он своих следов в рукописи? Как уже упоминалось, на экземпляре «Обозрения», хранящемся в ЦГВИА СССР, имеется правка, сделанная карандашом и чернилами, разными почерками. Приглядимся же к ней внимательнее и попытаемся на основе ее воспроизвести процесс редактирования рукописи. Прежде всего можно заметить, что «Обозрение» читалось и правилось не одним человеком. Первоначальные карандашные пометы внесены двумя разными почерками. Но преобладают исправления одним почерком — они встречаются почти на каждом листе и сводятся к замене неудачных слов и оборотов без существенного изменения смысла³⁶. Тем же почерком сделаны надписи на полях — некоторые добавления и разъяснения³⁷. Правка карандашом не всегда ясна, стерта; почерк неразборчив, неточен, несколько угловат. Это почерк не Пестеля, а скорее Киселева³⁸. Но главное — само содержание помет и замечаний свидетельствует, что правил рукопись карандашом не автор.

Затем «Обозрение» было отредактировано окончательно, чернилами, правка была внесена иным почерком по сравнению с тем, которым написан сам текст его и сделаны карандашные исправления. Правивший последний принял часть карандашных замечаний — обвел их чернилами, но часть из них отверг. Кроме того, он вписал несколько собственных исправлений, а также дополнительные примечания, недостающие отсылки на приложенные документы. Такого рода доделки и редактирование должен был проделать или автор рукописи, или по крайней мере человек, непосредственно причастный к ее составлению, несший за нее ответственность. Почерк того, кто правил чернилами, также не похож на почерк Пестеля. Он четок, округл, плавен. В делах штаба 2-й армии этот почерк встречается неоднократно, и потому его легко узнать. Редактировал и правил «Обозрение» чиновник особых поручений начальника штаба 2-й армии, адъютант и ближайший помощник Киселева полковник Иван Григорьевич Бурцов. История «греческого возмущения» составлялась в штабе 2-й армии, и уже это заставляет предполагать, что Бурцов должен был

³³ Ответ И. Н. Инзова не обнаружен среди «Входящих бумаг канцелярии штаба 2-й армии» (ЦГВИА СССР, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 9, д. 87, ч. 2).

³⁴ «Формулярные списки о штаб и обер офицерах свиты е. и. вел. по квартирмейстерской части, состоящих при 2-й армии. 15 декабря 1823 г.» ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7067 (ср. «Алфавит декабристов». «Восстание декабристов». Т. VIII. М. 1925).

³⁵ См. об этом подробнее: Е. А. П р о к о ф ь е в. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М. 1953.

³⁶ Например, заменено: «согласил» на «склонил», «в свою землю» на «в отечество», «бунт» на «мятеж», «вольность» на «свободу», «ложность» на «обман».

³⁷ «К чему это рассуждение?» — написано на полях в том месте, где говорится, что «в мятежах народных завистливый и самолюбивый нрав водителей более вредит общему предприятию, нежели сами враги их» (л. 32).

³⁸ Для точного установления принадлежности почерка требовалась бы специальная экспертиза.

иметь отношение к данному труду. Наличие же в рукописи его правки в том убеждает.

Именно И. Г. Бурцов, как нам представляется, мог написать полностью или в значительной части первую историю восстаний этеристов и Т. Владимиреску в Дунайских княжествах. В пользу такой гипотезы можно привести ряд косвенных доказательств.

И. Г. Бурцов — активный деятель ранних декабристских организаций: один из основателей Священной артели, созданной в 1816 г., и руководителей Союза благоденствия, привлекая в эту организацию немало новых участников. Весной 1819 г. он стал адъютантом начальника штаба 2-й армии и с этого времени совместно с Пестелем организовывал работу Тульчинской управы Союза благоденствия. Однако вскоре же обнаружились принципиальные расхождения этих двух деятелей во взглядах, в отношении к задачам тайной организации. Бурцов представлял Тульчинскую думу на московском съезде в январе 1821 года. На нем, как известно, было принято решение о роспуске тайного общества. Таким путем предполагалось освободиться от колеблющихся, ненадежных членов, а также и от наиболее радикальных элементов. Бурцов, по рассказу И. Д. Якушкина, поставил в известность присутствовавших на съезде о своем решении не привлекать Пестеля и его сторонников в новую тайную организацию, которую предполагалось создать вместо Тульчинской управы Союза благоденствия. Но осуществить этот замысел он, по-видимому, не смог — сторонники Пестеля одержали верх. Вернувшись в Тульчин, Бурцов лишь сообщил о роспуске Союза благоденствия, отказавшись войти в Южное общество, возглавленное его идейным противником³⁹. Так Бурцов, претендовавший на руководство новой тайной организацией, от участия в которой он рассчитывал отстранить Пестеля и его единомышленников, сам оказался в изоляции.

Этот самолюбивый, твердый в своих убеждениях человек предпочел отойти от движения, но не подчинился вождю Южного общества, взглядов и методов борьбы которого он не разделял. С этого времени отношения Бурцова и Пестеля, прежде внешне дружественные, стали открыто враждебными. Какое-либо сотрудничество между ними в штабной работе стало невозможным. Лишь в конце 1824 г., когда Бурцов после настоятельной просьбы был назначен командиром Уфимского полка, Пестель попытался восстановить с ним отношения, но сближения так и не произошло⁴⁰. Бурцов был арестован по делу декабристов, но сумел доказать свое неучастие в Южном обществе и революционной деятельности. Его на 6 месяцев заточили в Бобруйскую крепость, а после этого сослали на Кавказ. Там он служил под начальством И. Ф. Паскевича, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., проявив незаурядный военный талант и личную храбрость. Бурцов был смертельно ранен в одном из боев и скончался в июле 1829 года⁴¹.

Мировоззрение Бурцова и его роль в декабристском движении обрисовываются достаточно определенно. Это представитель наиболее правого крыла движения, отошедший от него после 1821 г. и в самих событиях 1825 г. участия не принимавший. Бурцов — поборник общественно-экономических преобразований в России, отмены крепостного права. Но путь к этому он видел не в немедленных революционных акциях, а в распространении просвещения и культуры, в личном нравственном усо-

³⁹ «Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина». М. 1951, стр. 36, 37, 161; П. Е. Щеголев. Декабристы. М.-Л. 1926, стр. 21; М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 1. М. 1955, стр. 318—339.

⁴⁰ Так изобразил свои отношения с Пестелем сам Бурцов в показаниях на следствии. Он, конечно, умышленно подчеркивал неприязненность этих отношений, но в целом не искажал факты. Обратил внимание на такое заявление Бурцова: «Он (Пестель.—И. Д.) всякий раз выходил из себя, когда маловажная деловая бумага, им написанная, попадала в мои руки» (Следственное дело И. Г. Бурцова. ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 95; см. то же в выдержках: Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным судом. Ростов-на-Дону. [1907], стр. 140—143).

⁴¹ Биографические данные о И. Г. Бурцове см.: «Энциклопедический лексикон». Т. 7. СПб. 1836, стр. 425—427; «Архив Раевских». Т. 1. СПб. 1908, прим. Б. Л. Модзалевского, стр. 405—407; С. Новоселов. «Кавказцы». Вып. 54—58. СПб. 1859, стр. 1—18; «Русский биографический словарь» [Т. 2]. СПб. 1908, стр. 505—506; Н. А. Задонский. Судьба декабриста Ивана Бурцова. «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 204—208.

вершенствовании и служении каждого просвещенного члена общества общему благу родины⁴². Влияние французских материалистов и просветителей XVIII в. испытал и Пестель⁴³. Но у Бурцова эти идеи проступают более ярко и, главное, не соединяются с радикализмом общественно-политических воззрений, свойственным вождю южных декабристов.

Идейное содержание «Обозрения» в основных чертах близко к философско-социологическим взглядам Бурцова. Это является еще одним доводом в пользу версии, что именно он руководил составлением описания восстания этеристов в Дунайских княжествах, и доводом не последним. Имя Бурцова связано не только с движением дворянских революционеров, но и с русской военно-теоретической наукой. Еще во время службы в Генеральном штабе этот молодой офицер проявлял интерес к научным занятиям, и в особенности к теории военного искусства, был членом Общества военных наук и активно участвовал в «Военном журнале» — фактически руководил им вместе с Ф. Н. Глинкой. В 1818 г. Бурцов опубликовал в «Военном журнале» свой перевод отрывков из книги известного французского военного теоретика Ж. Ронья «Consideration sur l'art de la guerre» под названием «О воинском учении и работах», а в следующем году уже собственную работу «Мысли о теории военных знаний»⁴⁴. Благодаря этой небольшой, но очень интересной статье он и вошел в историю русской военной науки как зачинатель прогрессивной теории военного дела⁴⁵.

Киселев, подбиравший себе штабных офицеров, конечно, не случайно остановил свой выбор на штабс-капитане Бурцове, выделявшемся в Генеральном штабе своей образованностью, даровитостью, усердием и уже имевшем ученые труды в области военного дела. В Тульчине Бурцов продолжал работать в этой области, но круг его интересов заметно расширился. Он занимался вопросами военного управления и обучения, историей войн, начал печататься как военный писатель. Суммируя различные данные, можно установить, что за годы службы во 2-й армии Бурцов написал «Записку об управлении армией» (1822 г.)⁴⁶, проект «Устава лагерной службы», или «Лагерного положения» (1822—1823 гг.)⁴⁷, «Обозрение окрестностей Тульчина» (1823 г.)⁴⁸, «Записку о маневрах»⁴⁹. В 1821—1823 гг. он руководил подготовкой обширного труда «Описание походов россиян против турков» и написал для него два раздела, относящихся к войне 1806—1812 гг. (о походах 1806 и 1810 гг.)⁵⁰.

Необходимо также обратить внимание на следующие моменты в творческой деятельности Бурцова этого времени. В конце 1821 г. он составил обширные замечания на книгу героя Отечественной войны 1812 г., партизана и военного писателя Дениса Давыдова «Опыт теории партизанского действия»⁵¹, а это свидетельствует о том, что он интересовался и, возможно, специально изучал принципы ведения партизанской войны. Одним из видов ее являлись действия повстанцев в Дунайских княжествах в 1821 году. Бурцов выступал и как военный писатель, но анонимно. Так, по собственному признанию на следствии, он был автором статьи «Бой полковника Ти-

⁴² О мировоззрении И. Г. Бурцова см.: М. В. Нечкина. Указ. соч. Т. I, стр. 280—282 и др.; И. С. Калантырская. Письма декабристов к Н. Н. Муравьеву-Карскому как источник по истории Священной артилии. «Археографический ежегодник за 1972 г.». М. 1974, стр. 155—157.

⁴³ П. Ф. Никандров. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л. 1955.

⁴⁴ «Военный журнал», 1818, кн. IV, стр. 1—9; кн. V, стр. 1—10; кн. VI, стр. 1—9; 1819, кн. II, стр. 47—65.

⁴⁵ См. об этом: Е. А. Прокофьев. Указ. соч., стр. 182—190; Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М. 1957, стр. 260—261.

⁴⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 17184, л. 5.

⁴⁷ Там же, л. 134; И. Г. Бурцов — П. Д. Киселеву 15 (27) ноября 1822 г. Институт русской литературы (ИРЛИ) АН СССР, Отдел рукописей, ф. 143 (Киселевых), 29.6.83, л. 26.

⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 17184, л. 40.

⁴⁹ Там же, лл. 136—143.

⁵⁰ «Отчет по квартирмейстерскому управлению 2-й армии за 1819—1823 гг.». ЦГВИА СССР, ф. 14057, оп II, д. 13, лл. 19—20; И. Г. Бурцов — П. Д. Киселеву 30 ноября (12 декабря) 1822 г. ИРЛИ, ф. 143, 29.6.83, л. 38.

⁵¹ По этому поводу Давыдов написал Киселеву: «Ответ мой на его замечания он увидит в новом тиснении. Я не только что почти все исправил по его желанию, но даже целые периоды его включил в новое издание. Вот критик истинный» (А. П. Заблочкин-Десятовский. Указ. соч. Т. I, стр. 95).

ховского с закубанскими черкесами в 1810 г.», помещенной в «Отечественных записках»⁵². Вполне вероятно, что Бурцов публиковал без подписи и другие свои труды. Творческая работа Бурцова, конечно, прервалась и затруднилась из-за ареста, заточения в крепость и ссылки, но не прекратилась полностью. В 1830 г. в «Военном журнале» друг покойного Бурцова — В. Д. Вольховский поместил его «Описание осады крепости Ахалцика», происходившей в августе 1828 года⁵³.

Наличие этих опубликованных и неопубликованных трудов Бурцова дает возможность провести сопоставление их лексики и стиля с «Обозрением». Такой текстологический анализ — дело специалистов-языковедов. Но, по общему впечатлению, литературная форма и язык всех этих произведений очень близки. Им свойственны характерные особенности русской прозы романтического направления, распространенной в первых десятилетиях XIX века. Что касается идейной направленности указанных работ Бурцова, то здесь полностью господствуют знакомые нам по «Обозрению» философские и социологические теории французских материалистов и просветителей XVIII в.: метафизический материализм и деизм, теория естественного права, принцип подчинения личных интересов «общему благу», «частных жертвований» ради блага всего народа, патриотизм и т. д.

Близость теоретических построений произведений Бурцова и составленной в штабе 2-й армии истории «греческого возмущения», на наш взгляд, очевидна. Для примера приведем выдержку из упомянутой статьи «Бой полковника Тиховского...», хронологически и по жанру наиболее близкой к «Обозрению». «Мужественные подвиги граждан составляют драгоценную собственность народа: на них основывается нравственное оного достоинство, — величие в настоящем, слава — в будущем. Сие достоинство народа не подлежит истребительному действию времени: вопреки общему порядку вещей, оно не слабеет стареясь, укрепляется столетиями, переживает предания и историю и разве со всеобщим разрушением перейдет в небытие... Итак, деяния мужества в существе своем неизменны; они составляют одну из нравственных причин прочного бытия государства. Разительные черты предшественников, переходя к потомкам, воспламеняют их душу, возбуждают необоримое стремление к истинно изящному, великому и тем образуют людей, живущих не для себя, но исключительно для блага своих сограждан, людей, почитающих общественным достоянием не токмо все зависящие от них средства, но и самую жизнь свою; а жертвование оною — крайнюю целью своего постоянного стремления... История России обильна людьми достойными и великими. Каждый век ознаменован важными событиями, в коих являлись граждане — поборники правды, чуждые собственных выгод, охотно жертвовавшие жизнью для пользы общей»⁵⁴. Сравнив эти строки хотя бы с процитированными нами выше отрывками из заключительной главы «Обозрения», нельзя не обратить внимание на смысловые совпадения, близость по лексике и художественному методу.

Итак, в пользу гипотезы о том, что составленная в 1822 г. в штабе 2-й армии история восстания этеристов в значительной части принадлежит перу И. Г. Бурцова, можно выдвинуть следующие косвенные, но достаточно убедительные доказательства: 1) тот факт, что в 1822 г. в штабе 2-й армии именно в сферу обязанностей Бурцова входили военно-исторические и военно-теоретические работы; 2) наличие в рукописи редакционной правки Бурцова; 3) сходство идейного содержания «Обозрения» с философскими и социальными воззрениями Бурцова как представителя наиболее умеренного, либерального направления в декабристском движении; 4) наличие опубликованных произведений Бурцова в области военной теории и военной истории, которые имеют идейную направленность, стилистические особенности, присущие и «Обозрению».

Прямые данные об авторстве Бурцова пока отсутствуют, и поиски их следует продолжить. Но ряд косвенных доказательств, необходимых для выдвижения подоб-

⁵² «Отечественные записки», 1820, ч. 2, июль, стр. 18—25. В ЦГВИА СССР хранится и архивный материал, на основе которого была написана эта статья (ф. ВУА, д. 2935).

⁵³ «Военный журнал», 1830, № 1, стр. 15—55; № 2, стр. 1—19.

⁵⁴ «Отечественные записки», 1820, ч. 2, июль, стр. 18.

ной гипотезы, дает основания рассматривать «Обозрение» как историческое повествование круга декабристской литературы умеренного направления, как произведение, оспаривающее взгляды Пестеля и его приверженцев и, таким образом, отражающее острую идеологическую борьбу в среде дворянских революционеров. Эта сторона содержания рукописи требует специального анализа. Отметим только, что скрытая, но читающаяся между строк полемичность «Обозрения» приобретает ясный смысл и значение именно в том случае, если автором этого произведения считать Бурцова.

Представим себе, как И. Г. Бурцов, по описанию всех знавших его, человек «благородных правил», даровитый и разносторонне образованный, пережив в 1821 г. личную драму, лишившись товарищей по обществу, одиноко просиживает долгими вечерами в канцелярии штаба. Он составляет историю потерпевшего поражение «греческого возмущения» и вольно или невольно сопоставляет вооруженное восстание, которое произошло на Балканах, с тем, которое могло вспыхнуть вскоре в самой России. Он доказывает своим воображаемым оппонентам, что те пошли по неправильному пути, который приведет их только к поражению. Бурцов пишет это не для начальства, не для Киселева — так, чтобы они ничего не могли заметить, не для своего соперника Пестеля — с ним отношения уже не поддерживались, а для самого себя. Он хочет еще раз убедиться, что был прав в жарких спорах, которые недавно велись вокруг вопросов о принципах организации тайного общества и его задачах, о будущем революционном перевороте в России. В том его убеждает минувшее поражение восстания греков.

Известно, что декабристы глубоко сочувствовали национально-освободительному движению балканских народов. Рукописная книга «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г. и соприкосновенных оным обстоятельств» еще раз убеждает в том. Более того, если выдвинутая нами интерпретация этого интересного по идейной направленности и литературной форме произведения убедительна, можно говорить о попытке одного из декабристов извлечь из вооруженного выступления балканских народов 1821 г. ценный урок, использовать поражение восстания этеристов для обоснования собственного взгляда на задачи и методы борьбы против самодержавия.
